

— Ты что, совсем не знаешь меры? А если порвешь связки?

Е Шувэнь нахмурился, его лицо выражало серьезность, не свойственную его возрасту.

Восходящее солнце поднималось за его спиной, его лучи пробивались сквозь светлые волосы, создавая мягкий свет, а его глаза казались такими темными, что ослепляли.

Лю Ян моргнул и вдруг подумал, что этот парень довольно милый. Как он в таком юном возрасте уже так серьезен?

Раньше он этого не замечал.

Оказывается, этот парень выглядит довольно симпатично.

— Ты меня слышишь? — Его брови снова сдвинулись.

Увидев это выражение лица, Лю Ян невольно улыбнулся.

— Да! — кивнул он.

Е Шувэнь повернулся и ушел, сделав пару шагов, но, не успокоившись, снова обернулся.

Лю Ян поспешно кивнул:

— Знаю, знаю, буду осторожен.

Е Шувэнь бросил на него строгий взгляд и снова ушел.

Лю Ян заметил легкий румянец на его ушах.

На самом деле месть Ван Ясиня была довольно глупой, просто детской шалостью.

Он изо всех сил давил на плечи Лю Яна, не жалея сил.

Лю Ян тоже чувствовал боль, но все равно был счастлив.

Некоторые люди радуются деньгам, некоторые — красоте, некоторые — любви. Его радость заключалась в том, что он нашел цель, тот самый луч света в жизни.

Поэтому, когда настала очередь Лю Яна растягивать плечи Ван Ясиня, его лицо сияло от счастья, а его движения были настолько резкими, что Ван Ясинь кричал и стонал от боли.

Наставник Чжао бросил на него косой взгляд, намекая, что нужно быть осторожнее.

Лю Ян, держа плечи Ван Ясиня, показал свои белые зубы, наклонился к его уху и сказал с явной издевкой:

— Я еще даже не начал.

Ван Ясинь замер, затем резко дернулся, повернулся к нему, его лицо покраснело от злости.

Лю Ян поднял бровь, оглядел его с головы до ног и сказал:

— Что? Злишься? Я ведь действительно старше тебя, разве нет?

— Ты... ты... — Ван Ясинь трясущимся пальцем показал на его нос, не находя слов.

Лю Ян наклонил голову, избегая пальца, и приблизился к нему лицом к лицу, глаза в глаза, нос к носу, рот ко рту:

— Я говорю правду. Хочешь, проверим?

Ван Ясинь, доведенный до бешенства, резко двинул головой вперед, и их лбы столкнулись с громким звуком.

Лю Ян отшатнулся, оглушенный ударом, и упал на землю. Едва придя в себя, он увидел, как Ван Ясинь прыгнул на него, схватил за воротник и ударил кулаком, крича:

— Ты что выпендриваешься? Что ты себе позволяешь? Ты думаешь, раз старший признал тебя братом, ты теперь важный? Какое ты имеешь право быть моим братом? Ты, тряпка, трус...

Лю Ян, разъяренный ударами, получил два кулака в лицо, но, схватившись за воротник Ван Ясиня, резко двинул бедрами, опрокинув его на спину. В следующее мгновение Лю Ян уже сидел на нем, сжимая его голову и ударяя ею о землю.

Наставник Чжао попытался разнять их, но команда уже смешалась в кучу.

— Вы двое, отпустите друг друга! Слышите?!

Он изо всех сил пытался разъединить двух дерущихся, но не мог. Увидев, что Ван Ясинь уже теряет сознание, наставник закричал:

— Помогите мне разнять их! Это драка? Или убийство?!

В конце концов, один взрослый и пятеро детей смогли разнять их.

Лю Ян вытер подбородок, тяжело дыша, и пристально смотрел на Ван Ясиня, который лежал на земле, не в силах подняться.

Смотря на него, он постепенно приходил в себя и понимал, насколько жестоко он поступил, почти убив человека. Подняв голову, он увидел нахмуренное лицо наставника Чжао и испуганные лица товарищей по команде.

Его сердце похолодело.

Позже он хотел проверить, как там Ван Ясинь, но Е Шувэнь удержал его, и он так и не смог этого сделать.

После этого утренняя тренировка закончилась, и все, окружив Ван Ясиня, отправились в медпункт. Наставник Чжао, уходя, бросил на Лю Яна гневный взгляд.

Лю Ян сидел на земле, ругая себя за то, что, прожив 32 года, он смог так жестоко поступить с ребенком. Ему хотелось закопаться в землю от стыда.

Е Шувэнь сел рядом с ним, не говоря ни слова, и так они сидели долгое время, пока он тихо не произнес:

— Пора в школу.

Лю Ян поднял голову, чувствуя себя обиженным, хотя не понимал, за что. Ведь это он начал задираться, это он ударил так сильно, но все равно чувствовал обиду, которая заставляла его глаза наполняться слезами.

— Я... Я не хотел его бить, правда. У меня в голове было пусто, я не думал, что сделаю так больно. — Он пытался объяснить, кому угодно, лишь бы кто-то его выслушал.

Е Шувэнь посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Я действительно не знал, очнулся, и он уже лежит на земле. Я понял, что сделал. С ним все будет хорошо?

— Э-э...

Е Шувэнь открыл рот, и Лю Ян сразу же оживился, глядя на него с надеждой.

Е Шувэнь отвел взгляд, сосредоточившись на своих ногах, а кончики его ушей слегка покраснели.

— Прости.

— А?

— Я думал... Я все это время думал, не слишком ли мы перегнули палку в последние полгода, так с тобой обращаясь. Может, поэтому ты так разозлился...

Рот Лю Яна округлился, а его глаза загорелись, как фейерверк.

Вот оно что.

Оказывается, накопленная за 32 года обида не исчезла со временем, она просто была скрыта, и малейшая искра разожгла ее снова.

А эта обида, это облегчение, оказались просто выплеском эмоций из того темного периода.

Лю Ян, если честно, был очень простым человеком. Тридцатидвухлетний мужчина, которого утешал двенадцатилетний ребенок, и он принимал это утешение как должное.

Он действительно не мог понять, почему вернулся на 20 лет назад. До сих пор он был в растерянности, и даже сейчас не мог разобраться в происходящем. Хотя он дрался, влился в коллектив, подружился с лидером, все это было его осознанным решением. Но сегодняшняя жестокость была совершенно неосознанной. Поэтому, когда Е Шувэнь извинился, он почувствовал, как будто звезды столкнулись с Землей, и вдруг все стало ясно.

Это была настоящая обида.

К сожалению, Ван Ясинь стал ее жертвой.

Конечно, такие мысли не могли служить оправданием его поступка.

Поэтому, увидев Ван Ясиня с белой повязкой на голове и красными, как у кролика, глазами, Лю Ян снова почувствовал острую вину.

Когда он стоял у входа в школу плавания, двое товарищей по команде встали по бокам от Ван

Ясиня, и все трое смотрели на него с ненавистью.

Он подумал: «Что, хотите еще подраться?»

Но Лю Ян просто развернулся и вышел, оставив им свой уверенный силуэт.

Он чувствовал вину и понимал, что извиниться все равно придется, но сейчас было не время. Ван Ясинь еще злился, и если бы он подошел с извинениями, неизвестно, насколько они бы были услышаны. К тому же, в мире детей сила играет решающую роль, и, возможно, скоро они не смогут игнорировать его присутствие.

Но Лю Ян ошибался. Он перенес в этот мир взрослые принципы, но здесь, в мире спортсменов, все было иначе.

Сила и превосходство определялись не умением драться, а результатами, которые другие не могли превзойти.

У входа в школу плавания стояло много детей с рюкзаками, все они шли в школу. Так как большинство были маленькими, их всегда сопровождал наставник при переходе через дорогу. Лю Ян стоял в толпе, рассматривая лица, пытаясь сопоставить их с воспоминаниями.

В конце концов он с досадой понял, что действительно знает очень мало людей. Кроме троих из своей комнаты, он даже не запомнил всех товарищей по команде из своей группы.

Одиночество было слишком явным...

Товарищи из его группы, увидев, как Лю Ян проявил себя утром, боязливо держались от него подальше, а те, кто был из других групп, просто игнорировали его. В итоге Лю Ян снова остался один.

Он стоял с прямой спиной и высоко поднятой головой. Что такое это одиночество? Оно было слишком очевидным, слишком детским. Не нужно было гадать, кого он мог обидеть, не нужно было обдумывать каждое слово перед тем, как заговорить, не нужно было улыбаться, скрывая отвращение.

<http://bllate.org/book/16608/1518514>